

ПРАЗДНИКИ

Первомай шагает по Узяку...

Роено два года назад в "АиФ" был опубликован материал "Первомай шагает по Узяку" о том, как отмечают этот праздник на хуторе Узяк Ростовской области. Это красивейшее место часто называют Донской Венецией. Наш специальный корреспондент Людмила ВИННИКОВА решила посмотреть, как живут узяковцы сегодня.

ПО ПУТИ к донскому хутору Узяк на столбе встретился единственный первомайский призыв, выведенный на белом тетрадном листе:

"pre"

Узяки и узячки! Казаки и казачки! Рыбаки и рыбачки! Словом, все, кто не ленится, Голосуйте за Ельцина!

"/pre"

В самом Узяке пахло не политическими страстями, а ухой и самогоном. На левых и правых хутор разделяла только река с одноименным названием. По обоим берегам аккуратные синие хаты, обрамленные белыми наличниками, перемежались с низкими кирпичными особняками. С одного берега на другой переправлялись в лодках шумные компании.

На митинги и демонстрации хуторяне и прежде не ходили "из-за отсутствия наличия массовости". Но Первого мая самых сознательных собирали в красном уголке, где читали долгую лекцию о международной солидарности трудящихся и братстве рабочих всех стран. Что это означает, ни лектор, ни слушатели не понимали и, почесывая затылки, ждали окончания "обязаловки". Из вереницы борцов за всенародное счастье одному местному казаку почему-то запомнилась Клара Цеткин. Он и по сей день убежден, что живет она где-то рядом с Узяком. Приятели уже знают, что, пошатываясь, он поднимет последнюю рюмку и скажет: "Теперь выпьем за Клару Цеткин!"

Нынешний Первомай на Узяке восприняли как один долгий выходной, который гуляли долго и весело, предпочитая спорам о политике уху с осетринкой, запеченного леща или борщ с рыбой. Узяки - народ толковый, они не ждут светлого будущего, а благодарят Бога за день настоящий.

Павлине Тихоновне Мельниковой пошел девяносто первый год. Навидавшись всякого, она уверена, что сегодня казаки живут хорошо. Такого мнения придерживаются и многие другие, считая, что слухи о всенародном обнищании сильно преувеличены. Хорошо потопашь - хорошо и полопашь. Рыба за двором плещется, самогон - во дворе. И всякой живности хватает. Излишки везут на азовский рынок, а на вырученные деньги покупают девки наряды. И хоть привезены они не от Кардена, а из Турции, все равно приятно. К тому же турецкая кровь еще течет в жилах местных красавиц, чьих прапрабабушек казаки-победители везли из Турции.

Местные жители убеждены, что тот, кто не видел Узяка и узячек, не видел ничего.

- Да что там в той Венеции? - вопрошала стройная казачка. - До Узяку бы приехали, ахнули бы... А кофий наш они пили? То-то.

На Узяке никогда не нарушается раз и навсегда заведенный порядок: ровно в полдень в каждом доме пьют кофе со сливками. И что бы ни происходило, какие бы политические страсти ни бушевали, с одного берега на другой доносятся голоса.

- Гребите до нас, кофий готов.

...и по Нью-Йорку

На Первое мая на Брайтон-Бич, где живут русские, не вывесили флагов и не поздравляли друг друга с праздником. Это не значит, что день совсем не удался: палило солнце, сверху гремели поезда надземки, в окне кафе "Пельменная" висела афиша, возвещавшая о выступлении Михаила Жванецкого в Атлантик-Сити 8 июня, на улице у гастронома "Юбилейный" торговали булочками с маком по доллару за три штуки...

НО ПРАЗДНИКА не было, и это удручало Римму Мелик, хозяйку старейшего брайтонского ресторана "Кавказ", где я когда-то записал дуэт Александра Розенбаума и Синди Лаупер. "Мне не хватает Первого мая, потому что нет тусовки, - сказала Мелик. - В России у нас хоть и было тяжелое положение, но мы все-таки как-то общались, и нам было весело, хотя нам было совсем невесело. А на Брайтоне мы все занялись бизнесом, забыли друг друга, встречаемся в год раз..." - "Стреляем друг в друга", - поддакнул я. "Стреляем друг в друга, - охотно согласилась Мелик. - И обманываем друг друга".

"А почему бы тебе не выступить с почином - устраивать маевки?" - спросил я. "А если придут, почему я не устрою?" - сказала Мелик. - Пожалуйста, дадим дискаунт (то есть скидку). Пусть гуляют, пьют и кушают и говорят лозунги". Но в тот вечер праздничных банкетов в "Кавказе" не ожидалось.

Аналогичная картина наблюдалась во всем брайтонском общепите. "Да, будет какой-то банкет", - обрадовал меня было официант, стоявший у дверей кафе "Арбат", где поет мой добрый друг Миша Гулько. "По поводу Первого мая?" - встрепенулся я. "Да нет, по поводу просто выпить".

"Банкетов не заказывали на Первое мая?" - заглянул я в ресторан "Националь". "Вы будете первым, - заулыбались мне. - Заказывайте".

В старые времена первوماйские демонстрации, собиравшие иногда десятки тысяч людей, проходили в Нью-Йорке на Юнион-сквере, но коммунистическая идея в Америке не вынесла столкновений с XX съездом, Венгрией и Чехословакией, и к появлению последней эмигрантской волны из Союза Юнион-сквер принадлежал уже не борцам за дело рабочего класса, а торговцам наркотиками, которые встречали прохожих не прогрессивными лозунгами, а предложениями купить "смоук" или "сенс", то есть "сенсемилью" - марихуану без зернышек.

В последние годы торговцев наркотиками разогнала полиция, а на Юнион-сквере утвердился рынок, на котором окрестные селяне торгуют по спекулятивным ценам фруктами и овощами. Вот и в этот Первوماй там пестрели не красные знамена, а парусиновые навесы над овощными лотками.

Первوماй, однако, не совсем остался без публичных мероприятий. С утра я позвонил в полицейское управление узнать, не просил ли кто разрешения на первوماйский митинг. "Да вроде нет, - сказала дежурная. - Хотя подождите, сейчас спрошу. Просили на 3 часа дня, в Томпкинс-сквер-парке". Еще недавно в этом небольшом парке стоял палаточный городок бомжей, но потом его снесла полиция, и сейчас там мирно соседствуют окрестные мамы с детьми, городские сумасшедшие, татуированные панки с кольцами в носах, суетливые белки и неопрятные скваттеры, обитающие в брошенных домах и постепенно вытесняемые оттуда властями.

Активисты скваттерского движения (от английского squat - самовольно селиться на чужой земле или в чужом доме) первого мая отмечали в Томпкинс-сквер-парке десятилетие своей деятельности.

"Революционеры-то где?" - спросил я без двадцати три стоявшего на углу парка юного полисмена.

"Понятия не имею, - сказал полисмен. - Сам их жду".

В глубине парка на поляне играли в футбол негр и пуэрториканец, а сбоку стоял специальный митинговый фургон. У него откидывается один борт, превращающийся в сцену. Повсюду были развешены флаги со скваттерским символом и лозунги типа EAT THE ELITE (то есть "Пустить элиту на котлеты"), звучавшие несколько людоедски, хотя, если подумать, не больше, чем "судью на мыло!"

Перед импровизированной сценой поставили складные столы с листовками в защиту скваттеров, марихуаны, индейцев (которые, как поведал мне их бородатый активист Том Большой Воин, оказывается, и изобрели Первомай) и других американских угнетенных, чьи представители расселись вокруг поляны. Кто-то принес прокламацию про то, что "СПИД - это бактериологическая война американского правительства".

Настоящие коммунисты, как я потом узнал, таки устроили свой первомайский митинг, проходивший в Мэдисон-сквер-парке на 23-й улице и Бродвее, где вместо скваттеровских рок-групп играл джазовый квартет. В ЦК партии мне сказали, что было человек 75, но опыт показывает, что обычно устроители преувеличивают как минимум вдвое.

День завершился "первомайской массовой" в тусовочном русском кафе "Эни уэй" на 2-й улице, где ленинградский актер Виталий Баганов исполнял под баян советские песни. Но этим, однако, Первомай не кончился: в субботу литератор Александр Генис позвал друзей на "маевку". "Форма одежды, - говорилось в приглашении, - парадная с пролетарским оттенком: кумачовые рубахи, патриотические татуировки, красные гвоздики, нателные портреты Зюганова". На "маевке" подавались маринованные подберезовики, собранные хозяевами под Нью-Йорком. Звучали старые советские песни, а видеомагнитофон показывал старые советские фильмы - "Весну" и "Волгу-Волгу".

Нью-Йорк